

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Верные люди

Глава 1

Погорынье. Февраль 1129 года

Хороший выдался нынче денек — солнечный, радостный! Ясное солнце сияло среди голубого неба, чуть тронутого легкой прозрачной дымкой. От вспыхнувших золотом берез, что росли на пригорке, тянулись по белому снегу длинные синие тени, а наезженная лыжня сверкала так, что глазам смотреть больно!

Дюжина парней вышла из ворот, прошла гуськом вдоль высокого тына. Все на широких лыжах, подбитых беличьим мехом, в полушубках — кто в волчьем, кто в овчине, а кое-кто — и в куньем, какой и любой боярин не побрезговал бы надеть. Да что там боярин — сам князь!..

Идущий впереди группы парень — судя по всему, старший — как раз в таком полушубке и был. Оглянулся, махнул рукой видневшемуся в надвратной башенке стражнику да, прибавив ходу, стремглав

взлетел на залитый зимним солнцем холм. Сняв меховую шапку, посмотрел на своих, поцокал языком — отстали!

Красив юноша, весь из себя — чернобров, черноок и, к слову сказать, до женского полу жаден. Златомир, в крещении Евтихий, вел свой десяток на охоту. А чем еще заняться молодым воинам Младшей стражи в погожий воскресный день? Ну да, их сотник Михайла выразился бы новым складом: тренироваться, мол, учиться воинскому делу настоящим образом. Да еще б и прибавил любимую свою с недавних пор прибаутку — тяжело в ученье, легко в бою.

Так-то оно так... Однако и дичь на столе у воина лишней не будет! Тем более что до поста-то еще далеко, да и не соблюдали в Михайловском городке посты слишком уж строго. Хотя и назван тот городок — малая крепостица возле большого села Ратного — во имя погибшего священника, отца Михаила.

— Быстрей, быстрей! — сплюнув, подогнал своих Златомир. — Не отставай, Глузде!

Так-то парни хоть куда, правда, юны гораздо — ну на то и Младшая стража, отроци, или, как бы сказал господин сотник — «первого года службы». Ну, а Златомир-Евтихий хоть и едва старше, да все ж воин опытный, умелый. Да и охота-то задумана непростая, а всяким оружием — и простым арбалетом, и арбалетом с прицелом, что делает в своих мастерских друг Михайлы-сотника Тимоха Кузнечик. Да еще и луки специальные — с них тоже нужно было учиться бить. Ратное дело такое: когда самострел хорош, а когда и лук. Самострелом почти что любой пользоваться может, управляться же с луком надобно учиться сызмальства. Тем не менее уроки лучного боя их сотник тоже включил в учение, в «программу», как он это называл, а еще обзывал «курсом молодого бойца». Все правильно, против толпы иногда не меткость

нужна, а быстрота да скорострельность, и тут лучше доброго лука ничего нет! Так считал Златомир. Вот и учились. Как заметил Михайла — как половцы стрелять не будут, но представление и навык иметь должны.

— Быстрее, быстрее, отроцы! Та-ак... Внимание! Становись...

Все команды и звания в Младшей страже были придуманы сотником и для чужого уха звучали непривычно. Впрочем, чужих ушей нигде поблизости нет... Хотя как знать, как знать? Вон, в распадке шевельнулась молодая елка, будто кто-то лапу отвел. Упал мягко снег — а ветра-то не было! Вон и сороки-белобоки вдруг ни с того ни с сего поднялись, вспорхнули с рябины, закружили, застрекотали возмущенно. Зверь какой-то спугнул? Может, и зверь...

Однако ни до каких сорок десятнику Златомиру покуда дела не было.

— Станови-ись... Р-равняйсь! Смирн-н-на-а! — звонко командовал шустрый парнишка с выбивающимися из-под шапки огненно-рыжими вихрами. Отроки проворно исполняли — выпячивали грудь, вскидывали разом подбородки...

— Равнение н-на... середину... — отрок сверкнул глазами. — Разрешите доложить, господин десятник?

— Докладывай, — пряча довольную улыбку, отрывисто кивнул Златомир. Эх, видела бы его в этот момент красна девица Стефания! Или девица Ксения. Иль Сияна... или...

— Третий десяток младшего извода первого года обучения для охоты построен! Доложил — урядник Велимудр.

— Вольно, урядник.

— Вз-во-од... вольно! Оправиться... Унот Глузд! — заметив неправильность, тут же прищурился рыжий. — По команде оправиться писать на березу не надо!

Оглянувшись на незадачливого отрока, еще не успевшего расшнуровать штаны, все дружно расхохотались.

— Да я это... — смутился тот. — Сразу-то не успел, пока собирался...

— Надо же, не успел он... — хмыкнув, десятник покачал головой. — Ладно, начал — так делай, а то напрудишь еще тут в штаны... Мы подождем.

— Господин десятник.... Да я это... Я расхотел уже... — отрок как-то суетливо сорвал с головы шапку, потом надел... Снова снял. Соломенные волосы его смешно топорщились во все стороны, уши покраснели...

— Итак... — глянув на ратников, важно протянул Златомир. — Задача наша нынче не только дичь, но и совреше... собреже... Урядник Велимудр, как там?

— Совершенствование навыков стрельбы, господин десятник!

Рыжий Велимудр, или просто Велька, на миг опустил глаза. Да уж, невеликого ума десятник Златомир, не великого... Зато — исполнительен, упрям, а самое главное — верен. Значит, правильно его боярич Михайла в командиры поставил. Да что сказать, десятнику-то особый ум без надобности, главное — рука тяжелая и твердый характер, а этого уж у Златомира не отнять. Как сказал — так и будет!

— На первый-второй... рассчитайсь!

— Первый... Второй... Первый... — разлетелись звонкие голоса над опушкой... Если и пряталась где-то дичь — так вся уже разбежалась!

Велимудр про себя хмыкнул: ничего, дичь в других местах искать будем. Ах, как славно сегодня, славно! Морозец небольшой, ясно солнышко... и лыжи так легко скользят. Вот бы по пути на реке девицу Звениславу встретить! Ах, Звенислава-Звенья... Стройная, сероглазая и косы цвета спелой ржи. Третьего дня

подарил Велька зазнобушке своей ленты – красивые, голубенькие. Ежели вплетет дева ленты сии в косы – значит, принимает ухаживания, значит, он, Велимудр, считается уже почти как жених... Ну, не жених, конечно, а так – ухажер... Так и это бы славно! Звенислава уже заневестилась, не этой осенью замуж отдадут, так следующей – точно. Дед Коряга, Звенькиного рода большак, тот еще черт, выгоды своей не упустит, уж такой выкуп за невесту запросит – ого-го! А приданого почти не даст. Ну да на что дескать приданое-то? Сама Звеня была... Эх, не отдаст ее дед Коряга. Хотя, если сам Михайла-боярич в сваты... Как, вон, вдовица Брячислава – тоже еще та! – отдала же Гориславу-Горьку за варяга Рогволда. В чужедальнюю сторону – в Ладогу! Сам господин сотник сватом был, вот и не осмелилась вдовица перечить. И дед Коряга не осмелится! Чур меня, чур... Ой... Чего это сороки-то так раскричались? Не садятся, вокруг ельника молодого низенько летают. А не кабаны ли там прячутся? Или – лиса? Лиса – тоже хорошо, подарить бы Звениславе на шапку.

– Первые номер – самострелы, вторые – луки... – между тем распорядился десятник. – Потом меняемся... Все понятно?

– Так точно, господин десятник! – хором откликнулись отроки.

От такого ора сороки совсем уже очумели и улетели прочь, к реке...

Туда же направился и рыжий урядник Велимудр, а с ним еще четверо юных воинов. Их оружием нынче был арбалет. Правда, без прицела, обычный...

Почему к реке пошли? Ну-у... почему... Велька никого и не спрашивал, сам туда зашагал, только снежная пыль из-под лыж полетела.

По всему берегу густо росли осины, ивы, ольха с красноталом... Редколесье, однако зайцы там

водились в избытке, а где зайцы — там и куница, там и лиса. Повезет, так можно и куниц запромыслить — хороший мех, дорогой.

А дичь-то пришлось еще поискать! Едва свернули с лыжни в заросли — выскочил прямо из-под лыж заяц, поскакал, петляя, к реке... Понеслись вслед ему короткие арбалетные стрелы — болты, да так в снегу и сгнули.

— Отыскать! — помня наказ сотника, тут же приказал Велька. Отправил отроков, покусал губы — ладно эти-то тюхи промазали, но ведь он и сам! Урядник называется, ага. Видел бы Михайло Фролыч! Ужо бы поиздевался. Да еще зачет бы сдавать заставил. По стрельбе из самострела. Да все не просто так, а поученому — теория, практика... Практику-то рыжий бы вмиг, а вот теория... Кое-что и подзабыл уже.

— Ну что там? Нашли стрелы?

— Нашли, Вель... господин урядник! Все, кроме одной...

— И кто ж такой несчастливый?

Да поди тут узнай. Стрелы все одинаковы, в одной мастерской делали, как объяснял Кузнечик — «на конвейере» и «по стандарту». Да уж, несмотря на юный возраст, Тимка много таких мудреных слов знал. И с Михайлой-сотником они дружили. Крепко.

Первым все же запромыслили зайца. Повезло Малу, неразговорчивому парню с вечно недовольным лицом. Затем еще гонялись за лисой, но упустили, зато всадили несколько стрел в куницу, удалось-таки! А потом еще взяли на стрелу здоровенного глухаря!

— Ой, братцы! — пуце всех радовался-суетился Глузд. — Это ж на целый котел, на похлебку!

— Лучше в глине потушить! С кореньями. Знаете как вкусно?

— А похлебки зато больше получится!

— А в глине — вкуснее!

— А в похлебке...

— Цыц! — хмыкнув, Велимудр прекратил ненужный спор и глянул на солнце. До полудня оставалось уже совсем немного — как тень от обрыва ляжет точненько поперек реки, тогда и поддень — менять самострелы на луки, а из лука-то еще попробуй кого подстрели!

— А Глузд по сове промазал! — сдал сотоварища угрюмый Мал. — Он стрелял, я видел. Стрела вверх ушла.

— Значит — дернул! — рыжий важно сдвинул брови, дословно припомнив, что в таком случае говорил сотник. — При выстреле плавненько надо крючок тянуть, плавненько, а не дергать.

— Да я ж и не дергал, клянусь! — размашисто перекрестился Глузд.

Кто-то из ребят тут же осадил:

— Не крестись все!

Велька же прищурился:

— Не дернул — значит, вверх слишком ложе задрал. Неверно рассчитал расстояние. Ну, сколько шагов до той совы было?

— Шагов с полсотни...

— Врет! Двадцать пять — вряд ли больше.

— Ну, значит, точно — задрал. Так! — оборвав спор, рыжий поднял вверх указательный палец и внушительно так сказал: — Теперь — каждому свое задание. Как говорит наш сотник, инди... инди... винди... альное! Ты... — урядник показал рукой: — Вон тот ельник. Ты, Рябой, рядом, за овражком... Глузд — в орешнике, и ты, Мал, в распадке. Задача — взять на стрелу любую дичь. Хоть сороку! Времени у вас очень мало. Живенько — туда-обратно — по моему свисту. Ясно?

— Да ясно...

— Не слышу!

— Так точно, господин урядник!

– Да! Там и Златомир-десятник будет вас проверять... Не знаю только, где точно. Что ж... Да пошлют вам удачу Иисус Христос... Велес, Перун и все древние боги.

Выразившись таким образом, Велька проводил разбежавшихся по сторонам лыжников рассеянным взглядом и, передернув плечом, вытащил из-за пазухи плетеную баклажку с квасом. Попить. Не снег же жевать, коли квасок имеется! Добрый квасок, бодрящий... даже хмельной...

Сделав пару глотков, отрок убрал баклажку и довольно потер руки. А ведь не такой уж и плохой он командир! Вон как его все слушаются. Интересно, у дружка Ермила так получилось бы? Да вряд ли! Нет, Ермил – парень хороший, к тому ж и земляк... Почти что последние они и остались от вымершей от мора Нинеиной веси... Славный воин Ермиле и добрый друг... Вот только в десятники не рвется, ему в библиотеке уютнее, с книгами...

Так... А не пора ли уже и свистеть? Интересно, заpromыслили парни кого-нибудь?

Рыжий сунул два пальца в рот... Да так и застыл, услышав донесшиеся из орешника крики. Что такое? Случилось что? И кому там вообще кричать?

Но ведь кричали! И вот уже кто-то показался на лыжне... Мал! Бежал. Размахивал руками, кричал... попростому, без всякого почтения...

– Вель! Велька! Там это... это... убили!

– Как это? Кто кого убил? Ну, говори же!

– Унот Глузд, – отдышавшись, сообщил отрок. – Златомира-десятника. Стрелюю!

– Стрелюю?!

– Да прямо в глаз!

Десятник Златомир лежал на небольшой полянке в орешнике, упав спиной в сугроб. В левой глазнице

его торчала арбалетная стрела, красивое мертвое лицо было залито кровью...

— Я думал... думал, лиса... Хвост мелькнул — я и выстрелил... Слышу — крик! Выскочил, а тут...

Бледный как смерть Глузд суетливо взмахнул рукою.

— Так ты что же, не видел, куда стрелял?

— Говорю ж... в лису целил... Там хвост мелькнул... Ну, в зарослях... Я и не думал, что...

— Понятно, что не думал...

— Десятник нас недалеко оставил, а сам — проверить, — пояснил один из «лучников». — Нам за собой ходить не велел. Ну, он же всегда так делал.

— В том-то и дело, что всегда.

Неожиданно пошел снег, повалил крупными хлопьями, хотя и солнышко никуда не скрылось, пока и его не поглотила напоззшая грозная серая туча.

Осмотрели все вокруг — ничего подозрительного не обнаружили. И никого. Лыжных следов, правда, было во множестве... Так это ясно почему.

Что ж, поохотились... потренировались...

Сплюнув в снег, Велимудр взял командование на себя и велел собираться.

* * *

— Что значит — не видел? Не видел, куда бил? А куда целился-то?

Дознание вел сам сотник — Михаил Фролыч Лисовин, боярич и внук воеводы Ратного, Корнея Агеича Лисовина. Высокий и сильный, с небольшими усиками и бородкою, сотник выглядел куда старше своих неполных восемнадцати. Что ж, жизнь побил парня: жесткий недоверчивый взгляд, упрямый подбородок, ухмылка. Зеленые, как у матушки, боярыни Анны Павловны, глаза сейчас пылали гневом. Еще бы... Это ж надо же так!

— Эх! — Мишка пристукнул по столу костяшками пальцев, набитыми постоянными упражнениями. — И угораздило же...

Вот именно что угораздило! Типичный несчастный случай. Тем более — на охоте, бывает... И сухая палка, словно ружье, стреляет!

И он, сотник, должен был сейчас принять решение. Что делать с этим вот... с Глуздом...

Нелегкое решение в восемнадцать лет... Впрочем, восемнадцать — это самому вот телу, в которое когда-то переселился... Правда, лучше сказать — был создан симбиоз... Слияние средневекового отрока из села Ратного и вполне себе состоявшегося мужчины, управленца из высших слоев, бывшего депутата Госдумы (и много кого еще) Михаила Андреевича Ратникова! Именно он из города Санкт-Петербурга был перемещен силой науки в тело юного славянского парня! И перемещение прошло успешно. Симбиоз удался. Поначалу это как-то напрягало (не только других, но и самого Михаила) — уж слишком мудро рассуждал и действовал двенадцати—тринадцатилетний пацан, ну, а теперь, когда восемнадцать, а по виду и все двадцать пять — уже не так напрягает, чего ж...

Уже с самого первого момента появилась у Михайлы привычка к внутренним монологам или, вернее, диалогам с язвительным Михаилом Андреевичем, иронично обращающимся к отроку как «сэр Майкл». Зачастую Мишка легко побеждал Михаила Андреевича, и тот на некоторое время как бы отстранялся, но когда выпадала спокойная минутка, мысли, отнюдь не детские, начинали литься многоводной рекою, захватывая сознание безраздельно.

Кроме самого Миши, таким вот «перемещенным» в Ратном еще был Тимка, Тимофей Кузнечик, а еще — сгинувший (скорее всего, вернувшийся обратно в свое тело и время) боярин Журавль, а также отец Тимки

Дамир (может быть) и сын Журавля Юрий, в прошлом году зверски убитый предателями. Так и не съездили они к нему с Кузнечиком Тимофеем! А ведь собирались.

— Так... — еще раз выслушав путанный рассказ Глузда, Миша задумчиво почесал бородку. — Раз убил ты, случайно или нет — неважно... То, по закону русскому, обязан заплатить родичам убитого виру. Очень даже значительную!

Парнишка, побледнев, несмело моргнул:

— А сколько!..

— Да нисколько! — хрястнул по столу сотник. Так хрястнул, что подпрыгнули и тяжелый серебряный подсвечник, и кувшин с квасом, и расписанные под хохлому деревянные кубки... — У тебя таких денег нет. Да и у меня — тоже. Думать надо, что со всеми вами делать. Вот что... Тебя пока — под арест, в поруб.

— Но...

— Я понимаю, что никуда ты не побежишь, однако... — Михайла, точно так же, как и подражавший ему Велька, наставительно поднял вверх указательный палец, украшенный затейливым серебряным перстнем. — Однако же родичи убитого должны твердо знать: обидчик — вот он, в прямом доступе, бегать искать не надо. Понятно излагаю?

— Да, господине, — шмыгнув носом, вытянулся в струнку Глузд. — Так мне в холодную? В поруб?

— Нет. В тепле посидишь... — Сотник подошел к окну и усмехнулся, глядя на ожидавшего во дворе Вельку и прочих отроков.

«Свидетели... Однако. Осиротел теперь десяток. Кого же десятником? Рыжего? Да нет — маловат. Лучше Вячеслава, Вячко... Он года на два постарше... а то и на три — кто тут эти года-лета считал? Кто дни рождения детей помнил? Если ты не князь... Ну, родители знали, конечно...»